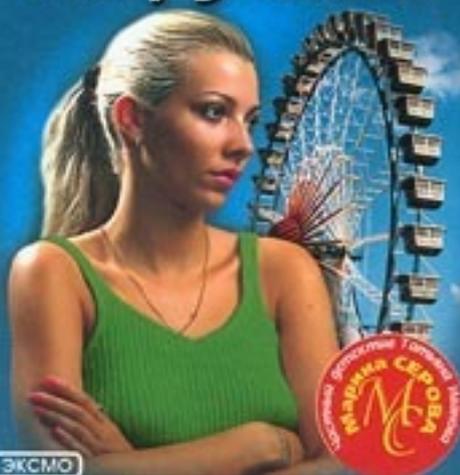

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Круто
закручено*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Ключи от жизни

«Научная книга»

2001

Серова М. С.

Ключи от жизни / М. С. Серова — «Научная книга»,
2001 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С., 2001
© Научная книга, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина СЕРОВА

КЛЮЧИ ОТ ЖИЗНИ

Глава 1

Я потушила сигарету и взглянула на часы. Судя по времени, которое они показывали, моя клиентка уже должна была сидеть у меня как минимум полчаса, выкладывая свои проблемы. Терпеть не могу, когда опаздывают. Начинаю нервничать и злиться, чувствуя к своей персоне полное неуважение со стороны непунктуального человека.

Вернувшись в комнату, я завалилась на диван и щелкнула пультом телевизора. Красавица-синоптик с экрана предвещала очередное повышение температуры.

– И чему ж ты так лучезарно улыбаешься, милая, если сейчас уже тридцать пять градусов жары? – вслух высказалась я и переключила канал.

В этот момент раздался звонок. Ну, наконец-то! Только я вовсе не кинулась открывать. Наоборот, сладко потянулась, медленно сунула ноги в тапочки и не спеша направилась к входной двери. Раздался второй звонок, более настойчивый. Я внутренне просияла, представив, как теперь занервничала клиентка. Эта маленькая месть подняла мне настроение. Но оно тут же и упало, стоило только увидеть посетительницу.

Низенькая пожилая полная женщина в сатиновом платке, засаленном фланелевом платье и войлочных зеленых тапочках смерила меня странным, неодобрительным взглядом.

– Вы Иванова? – неожиданно громко каркнула она.

– Да-а, – с некоторым сомнением протянула я.

Нет, сомневалась я, конечно же, не в том, что моя фамилия Иванова, а в том, что передо мной именно та женщина, которая звонила вчера, договариваясь о встрече. Она похожа скорее на почтальоншу, максимум – на работницу жилищного управления. И уж на кого совсем не походит, так это на денежного клиента.

– Значит, я по адресу, – удовлетворенно кивнула тетка и переступила порог. – Так вот, деточка, – с любопытством рассматривая мой коридор и явно пока игнорируя меня саму, продолжила толстушка, – решила я к тебе со своим горем обратиться. Ты же ведь сыщик? А зовут меня Анна Федоровна.

Теперь Анна Федоровна взглядом знатока живописи вперилась в пейзажик, висевший над зеркалом. Я сокрушенно вздохнула. Это отвлекло ее.

– Да-да. Горе у меня, – повторила она мой вздох, обреченно покачала головой и потуже затянула платочек.

– Сочувствую, – процедила я сквозь зубы, поняв, что зря трачу свое драгоценное время.

Анна Федоровна, бесцеремонно обойдя меня, зашла в комнату и кряхтя опустилась в кресло.

– Ой, а ты, дочка, тоже «Санта-Барбару» смотришь? – радостно воскликнула она, посмотрев на меня теперь уважительно, но тут же снова уставившись в экран.

К сожалению, попадают порой и такие, с позволения сказать, «клиенты». Пенсионеры, которым не дорог их заслуженный отдых и нервы окружающих. Анна Федоровна наверняка пришла с просьбой найти ее пропавшего кота, а заодно и развеять скуку.

– Так в чем же дело? – обошла я вниманием ее вопрос об осточертевшем всем, по моему мнению, сериале.

– А обокрали меня, – заявила она таким голосом, будто это сделала я. – Телевизер вынесли, «Березка» называется. Цветной. И ковер чисто шерстяной прямо со стены сняли, паразиты. А еще...

– Дело в том, Анна Федоровна, – вложив в интонацию как можно больше вежливости, прервала я ее, – что такими квартирными кражами я не занимаюсь.

– Что значит такими? – возмущенно вскинула она седые брови, и я поняла, что своими словами создала предпосылку для скандала, за которым она в общем-то и явилась.

– Это значит, уважаемая, что если бы у вас украли раритетную коллекцию нэцкэ или, скажем, колье Шарлотты, то, возможно – повторяю: возможно, – я бы и взялась за ваше дело. А так, увы, – развела я руками, изобразив на лице досаду, – все больше расследованием убийств занимаюсь.

Анна Федоровна явно не знала слов «раритет» и «нэцкэ», но зато быстренько решила, что над ней издеваются. Поэтому, встав с кресла и уперев руки в бока, скривилась в злобной гримасе.

– Ах, вот, значит, как! – выкрикнула она и начала краснеть от негодования. – Значит, к старикам никакого почтения? Значит...

– Так, минуточку! – жестом остановила я ее. – Есть альтернатива. Если вы готовы платить мне по моему тарифу, то есть двести долларов в день, то я согласна отыскать вашего обидчика и собственноручно притащить вам вашу «Березку», опасаясь надорвать живот.

– Сколько? – возопила Анна Федоровна. Я пожалела, что вступила с ней в конфликт, и, решив сменить тактику, спросила максимально вежливо и терпеливо:

– Вы в милицию обращались, милейшая?

Но «клиентка» не унималась.

– Двести долларов в день! – вопила клиентка. – Ну ты и хамка! Нахалка! И как таких земля носит? И не стыдно тебе? А ведь еще молодая какая!

– Вы заявление в милицию написали? – пытаюсь сохранять спокойствие, повторила я вопрос.

– А тебе-то что?! Да на тебя саму надо в милицию жалобу написать! – все гуще багровея, визжала Анна Федоровна, потрясая морщинистым кулачком.

– Ну так пойдите и напишите, – не повышая тона, посоветовала я и указала на выход.

– Хорошо, хорошо, – махнула она рукой. – Напишу. Обязательно напишу. Ты еще за мной побегашь. Побегашь, побегашь. Ну и нахалка!

Так с угрозами она и удалилась.

Я облегченно вздохнула, заперев за ней дверь. Но сейчас же затрезвонил телефон, не дав мне времени успокоиться после неприятной сцены.

– Да! – резко выпалила я в трубку, чувствуя, что вся еще киплю внутренне.

– Татьяна Александровна? – спросил мягкий баритон.

– Она самая.

– Добрый день. С вами говорит оперуполномоченный уголовного розыска Октябрьского района Миющенко. У меня к вам имеется некое предложение.

– Какое именно? – остывая, спросила я. – Надеюсь, это не предложение устроиться к вам на работу в качестве штатной единицы?

– Нет, конечно, – усмехнулся Миющенко, – но это не телефонный разговор. Так вы сейчас свободны?

– Пока да.

– Минут через пятнадцать я смогу зайти?

– Ну, зайдите, если сможете.

– Спасибо. Адрес я ваш знаю, – успокоил он меня и повесил трубку.

Я успела только выпить стакан холодного вишневого сока и выкурить сигарету. Второй сегодняшней визитер явился ранее означенного времени.

Пару секунд мы визуально оценивали друг друга через порог. Не знаю, какие выводы относительно моей внешности сделал он, но лично я сразу подумала о том, что им с успехом можно пугать непослушных детей.

Это был низкорослый худосочный субъект с прыщавым лицом, непомерно длинным кривым носом, недоверчивым взглядом маленьких темных глаз и сальными волосами на прямой пробор. Милицейский китель, подобранный явно не по размеру, висел на нем мятым мешком. В щуплой ручке опер держал форменную фуражку. Пожалуй, ему было чуть больше двадцати.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна, – изобразил он подобие улыбки, обнажив ряд крупных желтых зубов, что в полной мере довершило картину. – Это я вам сейчас звонил.

– Замечательно, – кивнула я. – Вам, конечно, очень к лицу милицейская форма, но все же хотелось бы посмотреть и на удостоверение.

– Ах, да-да, – немного смутился он, достал из внутреннего кармана пиджака красные корочки и, развернув их, сунул мне под нос.

– Угу, – буркнула я и отошла в сторону, давая ему пройти. Улыбнуться в знак приветствия я так и не смогла.

Редкостное чудовище напрямиком направилось в кухню. Затем обернулось:

– Сюда можно?

– Да, конечно. Располагайтесь, где вам удобно. Хотите сока со льдом?

– Да, пожалуй, – энергично кивнул он, от чего сальная прядка волос упала на открытый лоб.

Поправив ее каким-то нервным движением свободной руки, он присел возле стола, пристроив фуражку на своих острых коленях.

Я подала ему обещанный напиток и села напротив, готовая его выслушать. Миющенко жадно припал к стакану, выпил все содержимое залпом и стал катать во рту ледяные кубики. Затем выплюнул их обратно в стакан и отставил от себя. Зрелище было отвратительное. Кажется, я даже скривилась, не удержавшись.

– Да, жарко сегодня, – вымолвил он наконец.

Надо заметить, что его голос совсем не соответствовал внешности. Голос был довольно приятен.

– Но вы, надеюсь, не о погоде пришли разговаривать? – спросила я и посмотрела в окно, решив, что так мне будет удобнее общаться с гостем.

– Ну, разумеется, я пришел по делу. Только давайте уж сразу договоримся, что разговор будет конфиденциальным, несмотря на то, откажетесь вы или согласитесь. Хорошо?

– Согласна, – не поворачивая головы, отозвалась я. – Выкладывайте.

– Короче, так, – оживился Миющенко. – Два дня назад мы задержали одного мужичка. Убил свою жену. Вроде все факты налицо. Кроме одного, – боковым зрением я заметила, как он поднял вверх указательный палец. – Самого главного, так сказать.

– И какого же?

– Труса нет.

– То есть? – недоуменно взглянула я на Миющенко.

– А вот так, – оскалился он в своей обворожительной улыбке, и я снова отвернулась. – Сам позвонил нам с утра, сказал, что жена пропала, что кровь на полу в ванной и в коридоре обнаружил. Когда мы приехали, он был в полной якобы растерянности. Ну, мы обыск небольшой произвели. В итоге в стиральной машине нашли его рубашку со следами крови. На кухне стоит фирменный такой деревянный ящичек с набором ножей «Золинген». Так вот на одном из них тоже кровь и отпечатки пальцев хозяина. Мы уже проверили. Потом обнаружили кровь и в багажнике его автомобиля, который под окном стоял на то время. Мужик клянется, что не убивал никого и вообще ничего не понимает. Экспертиза же показала, что следы крови в ванной, в коридоре, на рубашке, на ноже и в багажнике «Опеля» идентичны между собой и

соответствуют крови пропавшей жены. У нее редкая четвертая группа да еще и с отрицательным резусом. Мы об этом в поликлинике справились.

– Так... А я тут при чем? Вы хотите нанять меня, скинувшись всем отделом, чтобы я нашла труп?

– Нет, ну что вы, я пришел сделать вам предложение...

– Руки и сердца? – снова посмотрела я на него.

– Вы все шутите, Татьяна Александровна, и перебиваете меня, а я...

– Простите, больше не буду, – извинилась я и тут же хихикнула, живо представив Миющенко в роли жениха. Господи, какой же я бываю иногда идиоткой!

– Ну так вот, у меня к вам деловое предложение. Мать подозреваемого не верит, что ее сын мог такое совершить, хочет лучшего адвоката нанять, жалобы строчить, ну и прочее. А я хочу посоветовать ей к вам обратиться. Вы же практически все дела раскрываете. Это у нас все в отделе знают, да и многие в нашем городе. Кстати, вы смеялись по поводу штатной единицы, а вас с удовольствием приняли бы к нам.

– Спасибо за лестные отзывы и за оказанное доверие, но все-таки давайте ближе к теме, – как-то теряя ко всему этому интерес, поторопила я Миющенко.

– Тема одна – деньги, – попытался он заглянуть мне в лицо. – Я даю мамаше ваши координаты, она вам с радостью платит, хватаясь за соломинку. А вы раскрываете то, что и так уже практически доказано нами, и даете мне, скажем, пятьдесят процентов от своего гонорара. Вы ведь деньги берете независимо от исхода дела? Так? А вам и делать-то ничего не придется. Можете и дома посидеть. А потом ей скажете, что так, мол, и так, все-таки ваш сынок убил. Ну, максимум, труп его жены поищете. Но, думаю, мы и сами его скоро обнаружим. Видите, как все просто.

– Ясно, – я легонько хлопнула рукой по столешнице. – Мало того, что вы, любезнейший, хотите на мне подзаработать, так еще и надеетесь, что я сокращу вам работу по розыску трупа. А деньги, значит, я должна взять с обезумевшей от горя матери, заранее зная, чем все закончится. Да это же, господин офицер, по меньшей мере цинизм! Ну уж нет, я такими вещами не занимаюсь.

Похоже, денек у меня сегодня с самого начала не удался. Но опера моя отповедь не остановила.

– Может быть, и цинизм, – легко согласился он и неожиданно добавил: – А вдруг окажется, что этот мужик и впрямь не убивал жену... Вдруг его кто-то подставил? А без вас у Луговичного шансов практичес...

– Простите, как вы сказали? – прервала я Миющенко на полуслове, хотя и обещала этого больше не делать. – Луговичный?

Фамилия эта довольно редкая. А я знала одного Луговичного. У него и имя-то неизбитое было – Рудольф. В школе вместе учились, в параллельных классах. Мало того, даже легкий романчик у нас был.

– Да, – ответил с готовностью опер. – Подозреваемый – Рудольф Луговичный. Семьдесят третьего года рождения. А что? Вы его знаете?

– Рудольф?! – воскликнула я, прижав ладони к щекам. – Ну надо же, как тесен мир! С ума сойти. Вообще-то он... Да, действительно, на Рудика это не похоже. Хотя со временем люди меняются.

– Вот видите, – снова вытянул тощую шею Миющенко, и я удостоила его взглядом. – Тем более вам необходимо взяться за это дело. Чувствую, мне повезло, что вы оказались знакомы с ним.

– Не знаю, как вам, а вот Рудика, возможно, и повезло. И если он не виноват, я это докажу. Так что шансы у него практически появляются. Да. Меня заинтересовало это. Вы выиграли,

товарищ оперуполномоченный. Но о пятидесяти процентах и речи быть не может. Двадцать. И только из большого уважения к вам, – сделала я подобающую гримасу.

– Согласен, – быстро согласился он. – А люди они довольно состоятельные. Заплатят. Так я дам ваш телефон Мальвине Васильевне? Ну и имена в этой семейке! – насмешливо хмыкнул он.

– Пожалуй, номер дайте. Но учтите, что просто так вам двадцать процентов на голову не свалятся. Придется со мной сотрудничать. Улавливаете? Кстати, – не удержалась я, – судя по данным удостоверения, вас зовут Анатолием Несторовичем?

– Да, но можно просто Анатолий, – ответил он и тут же осекся. – Конечно. Все, что будет зависеть от меня... Короче, я понял, – кивнул Миющенко.

– Угу, – в моем голосе добавилось сарказма, – в вашей семейке тоже редкие имена, оказывается, попадают.

Анатолий Несторович потупил взгляд.

Молодой, алчный, наглый, хитрый, уважающий только собственную персону – вот какой замечательный мне достался компаньон.

– Ну ладно, Анатолий, давайте уж теперь все поконкретнее. Деталей побольше, собственных выводов поменьше.

– Да, в общем-то, я вам все рассказал, – пожал он шуплыми плечами и потянулся к моему «Мальборо». – Вы позволите?

– Травитесь на здоровье, – позволила я и тоже закурила, отвергнув благородный жест партнера дать мне прикурить от его зажигалки. – Вы, Анатолий Несторович, не спешите считать меня душой, – с наслаждением выпустив струю дыма ему в лицо, томно произнесла я. – Рассказать вам есть что. Просто не хочется. Вроде как права не имеете раскрывать тайны следствия. Только вы и так уже перешли дозволенную грань – хотите своего клиента ко мне перекинуть и навариться при этом. Начальство вам за это звание не повысит. Так что не тушуйтесь, молодой человек.

– Пф, – презрительно надул он щеки. – Начальство! Да наше начальство, если хотите знать, только так аналогичными делишками занимается. Дело практически раскрутят – в основном это краж касается, – а потом клиенту советуют в частное сыскное агентство обратиться. В «АиД». Говорят, мол, только они вам помогут. А там уже договоренность: аидовцы берут с потерпевшего бабки и делят с нашим начальством. Не каждая ведь жертва догадывается, что нам надо заплатить за работу.

– Замечательно. А вас, значит, пока в долю не берут? И вы решили сами попытать счастья? Кстати, Аид – это повелитель царства мертвых, насколько я помню греческую мифологию...

– Нет, просто Алешин и Демин.

– Да знаю я эту конкурирующую организацию, – махнула я рукой. – Выходит, теперь им уподобляюсь.

– Что вы! Вы совсем другое дело! – решил он мне польстить. – Они же только за счет нас преступления раскрывают. А о ваших расследованиях я слышал кое от кого, потому к вам и пришел.

– Ну, хватит сантиментов, Анатолий. Выкладывайте ваши козыри. Я сразу поняла, что в деле Луговичного что-то не сходится. Только не изображайте из себя его ангела-хранителя. Я прекрасно поняла ваш план: решили для начала проверить, не схаваю ли я наживку. А дальше было два варианта. Первый: я соглашусь ради денег сделать вид, что работаю, а сама баклуши бить буду. Тем временем дело закроют, а вы содержимое своих карманов пополните. Ну а на второй случай, если я пошлю вас с вашим предложением подальше, подбросите мне интересные факты, на которые следователи плевать хотели, и я из чувства справедливости возьмусь спасти человека. Все так?

Миющенко усмехнулся, качнув головой:

– От вас действительно ничего не утаишь. Да. Есть там для меня, – он сделал ударение на последнем слове, дабы придать себе значимости, – пара странноватеньких фактиков. Во-первых, нож, который посчитали орудием убийства. Это хлебный нож, лезвие пилочкой. Убийца скорее воспользовался бы другим, тем более что подходящие в наборе имелись. И лежал этот хлебный нож рядом с ящичком, будто нарочно. Второе, пятна крови на рубашке. Их как будто специально поставили. Ну, ровные какие-то, не смазанные, что ли, как бывает при...

– А вам не показалось странным, – снова перебила я опера, – что Луговичный, если он убийца, вообще эту рубашку в стиральную машину засунул вместо того, чтобы избавиться от нее так же, как от трупа? И багажник, к примеру, не помыл? И следы крови оставил в квартире? Зачем сразу кинулся вам звонить?

– Ну... – замылся «партнер», – и это тоже. Но порой бывает, что человек действует в состоянии аффекта... Или специально хочет следствие запутать. Всякое бывает.

– А мотивы? – пропустила я замечание мимо ушей.

– Вот это тоже пока не ясно. Наследства от жены Луговичный не ждал. Ревность? Но она ему вроде не изменяла. И он сам так говорит, и его мать. Правда, скандалила его женушка часто.

– Но ведь это не повод ее убивать?

– Кто знает, – опять шевельнулись плечи Миющенко.

– А соседей вы опрашивали? Кто-то же должен был видеть, как отъезжала машина Луговичного, если он действительно в ней труп вывозил.

– Опросили некоторых. Никто ничего не знает. Говорят, мол, во дворе автомобилей тьма, за всеми не уследишь.

– Так. Все ясно. Пожалуй, от вас мне нужно пока только одно – хочу встретиться с Рудольфом. Это можно сделать уже сегодня?

– М-м-м, – промычал он, потеряв свой длинный нос. – Проблематично, конечно, но...

– Не набивайте себе цену, Анатолий Несторович. Раз уж вы мое согласие получили, то деньги ваши будут. Или вы решили, что продешевили?

– Нет-нет, – скороговоркой проговорил он. – Все остается в силе. Хорошо. Сегодня вечером я вам это устрою. Как раз мое дежурство. Он пока еще у нас находится, в изоляторе временного содержания. Но, боюсь, скоро его в КПЗ переведут. Там уже сложнее будет с ним увидеться, почти невозможно.

– Вот и ладненько. Определимся во времени, пока оно есть.

– В двадцать два часа, – по-военному отрезал опер. – Как раз потише будет.

– Годится. А теперь звоните Мальвине Васильевне и дайте ей мои координаты. Можете это сделать прямо отсюда, если у нее, конечно, телефон без определителя номера. Вы ведь были в квартире Луговичных, как я поняла?

– Был, конечно. Только вот на аппарат внимания не обратил, – тоскливо посмотрел он на меня.

– Не удивительно, – подбодрила я его, вставая и давая понять, что аудиенция окончена.

Когда этот мерзкий тип покинул мое жилище, я почувствовала прилив бодрости и желание погадать. А гадаю я на двенадцатигранных костях по специальному методу. Может, это и баловство, но мне оно как-то всегда придает уверенности.

Достав из сумочки замшевый мешочек, я высыпала на ладонь кости, немного погрела их в руке, сконцентрировала мысли на вопросе о предстоящей работе и кинула «кубики» на поверхность стола.

Выпали числа: 1+21+25, расшифровка коих гласит: «Уменьшение ваших доходов связано с помощью другим людям». Ну прямо в яблочко! Будем только надеяться, что слово «помощь» относится к Рудольфу, а не к Миющенко. Значит, я правильно сделала, что согласилась.

Теперь остается ждать «тревожного» звонка Мальвины Васильевны. А пока можно позволить себе предаться детским воспоминаниям, лежа на диване под вентилятором.

Глава 2

Рудик Луговичный. Краса и гордость всей школы. За ним бегали все половозрелые девчонки, а молодняк смотрел на него как на картину. Для мальчиков было честью считаться не то чтобы друзьями, а хотя бы приближенными к его особе.

Высок. Статен. Русоволос. Безукоризненные черты лица, хотя лет в пятнадцать-шестнадцать все подростки мужского пола выглядят не лучшим образом. Кроме внешности, Рудик обладал и некоторым умом. Во всяком случае, учился на «отлично», побеждал на всяческих математических и географических олимпиадах, и ни одно спортивное мероприятие не обходилось без его участия, причем как претендента на первое место. И он не был маменькиным сыночком и занудой. Короче, весь набор положительных качеств.

Но! Вот всегда найдется это противное «но». Луговичный был жутким эгоистом, влюбленным лишь в себя. Из-за этого он часто вступал в конфликты с учителями, и потом ему приходилось отвечать у доски на кучу дополнительных вопросов, чтоб заработать пятерку. Он никак не мог выбрать среди своих обожательниц достойную его, не имел постоянного друга, так как вечно ссорился из-за мелочей, и поэтому, в сущности, оставался одиноким, несчастным и всеми непонятым.

В конце концов Рудика угораздило влюбиться – насколько он вообще способен был на это чувство – именно в меня, в ту, которая, в отличие от большинства, практически не обращала на него внимания. А была влюблена в Сереженьку Зинченко. Внешне тот был зауряден, но вот внутренне... Мне казалось, что в нем заложена какая-то необыкновенная тайна. Что он – граф Монте-Кристо или по меньшей мере капитан Немо. Только вот Зинченко плевать хотел на мои страстные взгляды и томные вздохи. Да и вообще, видимо, для любви еще не созрел.

Перепробовав все возможные дамские уловки, я уж было отчаялась заполучить его в бойфренды, но тут мне пришла в голову отчаянная идея. Я стала отвечать взаимностью на ухаживания Луговичного. На переменах мы ходили с ним за ручку по школьным коридорам, целовались на заднем дворе. Причем скрываясь от учителей, но не таясь от одноклассников. Мы убегали с уроков в кино, рассказывая потом завистникам сюжет, и даже катались в городском парке на лодке. Но Рудик оставался верен себе. Я и сейчас помню, как он небрежным жестом скинул рубашку, обнажив торс, налег на весла и стал любоваться своими играющими на груди мышцами. Были и другие подробные моменты. И вообще иногда заглядывая мне в глаза, он видел лишь свое отражение.

Это самолюбование Рудика вызывало во мне жуткое раздражение, чуть ли не до тошноты. Но я терпела. Терпела только из-за Зинченко, который теперь действительно стал меня замечать. А как же! Что это за красавица такая, которая покорила сердце школьного кумира?

Этим я быстренько воспользовалась и, естественно, без сожаления переметнулась к нему. Но, как впоследствии оказалось, Сереженька не был ни Монте-Кристо, ни Немо, ни даже Маугли. Он оказался Беликовым. А чеховский «Человек в футляре» – вовсе не герой моего романа. Так что с ним у меня тоже ничего серьезного не получилось.

Да и не о нем сейчас надо думать. Думать надо о Луговичном. И чем больше я о нем думала, вспоминая черты его характера, тем больше приходила к мнению, что он не способен на убийство. Когда я его бросила, он впал в долгую депрессию. И вообще, как я помню, если у Рудольфа что-то не складывалось, его реакцией было полное уныние, но никак не ярость. Он мог покапризничать, мог топнуть ножкой, обидеться, но не более того.

Так что, скорее всего, его подставили. Но милиционеры только в кино запросто решают сложные задачки, в жизни все гораздо проще: алиби нет, кровь на твоей одежде и в твоей машине – ты и убил, а труп на свалку свез. И нечего нам мозги пудрить, у нас и без того дел хватает. Одной только писанины на восемь суток из-за тебя. Вот и весь разговор. А если недо-

волен, ищи адвоката. Пусть он твои проблемы решает. Нам бы поскорее «галочку» отработать и дальше в бой.

Помогу я тебе, Рудик. Виновата перед тобой немножко, так что, видно, пришло время отвечать за свое маленькое полудетское предательство. При другом раскладе ни за что не пошла бы на компромисс, не стала бы с этим мерзким Миющенко связываться.

– Да? – ответила я на телефонный звонок, быстро выплыв из тумана воспоминаний.

– Здравствуйте, – прошелестел тихий женский голос. – Как бы мне услышать Иванову Татьяну Александровну?

– Довольно просто. Вы ее уже слышите.

– А-а. Это вас беспокоит Луговичная Мальвина Васильевна.

– Вы меня совсем не беспокоите. Я вас внимательно слушаю.

– Дело в том, – сделав некоторую паузу, выдохнула мама Рудика, – что мне посоветовали обратиться к вам, – снова пауза, и я промолчала, давая ей как следует собраться с мыслями. – У меня такое дело... такое... – женщина всхлипнула и часто задышала.

– Да вы не волнуйтесь. Вас где устроит встреча, на моей территории или на вашей? – пришла я ей на помощь.

– Ну-у... если это возможно, то, конечно, было бы лучше, если бы вы приехали ко мне. Я так ужасно себя чувствую, – благодарно пролепетала Мальвина Васильевна.

– Хорошо. Говорите ваш адрес, – быстро ответила я, дабы она не успела окончательно разрешиться.

Луговичная назвала совсем не тот адрес, по которому они жили прежде. Что ж, не удивительно, все-таки больше десяти лет прошло с тех пор, когда я последний раз видела Рудольфа. Слышала, правда, как-то от кого-то что-то про него, да и то не запомнила, поскольку не особо интересовалась.

– Вот и замечательно. Вы сейчас дома?

– Да.

– Я уже еду. На подъездной двери код есть у вас?

– Ой, конечно! Совсем забыла сказать. Сто восемьдесят девять. Так я жду?

– Обязательно.

Через двадцать минут я уже была у Луговичной. Нельзя сказать, что она сильно изменилась. Те же вытравленные, почти белые волосы, собранные сзади в пучок, та же худоба. Только вот глубокие мрачные складки возле рта да синяки под глазами выдавали ее теперешнее горестное положение. Меня же Мальвина Васильевна не знала – у нас с Рудиком не так далеко зашли отношения, чтобы представлять друг друга своим родителям.

– Добрый день, – поприветствовала я ее и тут же сообразила, что ляпнула глупость.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста, – сделала она вялый жест.

Мы расположились в просторном зале. Она – на диване, я – в кресле. Надо заметить, что ее квартира впечатляла. Пока шли по коридору, я определила четырехкомнатную секцию последней серии. А это значит: шестнадцатиметровая кухня, семь квадратов ванная и прочие излишества. Да и обстановка не оставляла желать лучшего – все «евро», все «стандарт».

– Ну, рассказывайте, Мальвина Васильевна, – обратилась я к ней и сделала выжидающе-сочувственную мину.

– Беда у нас в семье, Татьяна Александровна. Только на вас вся надежда, – покачала головой Луговичная и стала рассматривать свои ногти.

– Итак? – поторопила я ее.

– Сына моего в убийстве жены подозревают, – не поднимая припухших век, отреагировала она. – Но я уверена, он этого не делал. – Крупная слеза капнула ей на запястье, и она замолчала.

– Мальвина Васильевна, – проникновенно заговорила я, – милая, успокойтесь. Давайте все по порядку, не упуская ничего. А я по ходу вопросы задавать буду. Время-то идет. А это не в нашу пользу.

– Да, конечно, – виновато взглянула она на меня. – В общем, в тот день я у сестры ночевала...

– В какой день?

– А, ну да... Простите. Я понимаю. Десятого июля. С субботы на воскресенье. Но живу я пока здесь. С ними. И вот утром, позавчера прихо...

– Минуточку, Мальвина Васильевна. С кем «с ними» вы живете?

– Ну, я сдала свою квартиру и вступила в строящийся кооператив. Мне так Рудик посоветовал. Сын, – пояснила она. Теперь в ее голосе почувствовалось больше твердости. – И сказал, чтобы я пока пожила у него. То есть с ним и его женой. Я уступила его просьбе. Но не ради себя, а ради будущих внуков, так как им потом...

– Понимаю, – хорошо маскируя нарастающее раздражение, кивнула я. – Так вы ночевали у сестры?

– Да. Долго засиделась там, позвонила Рудиду предупредить, что останусь. Трубку, правда, Галина взяла – моя невестка. Его жена то бишь, – старалась она доходчивее объяснять, я учтиво склонила голову в знак понимания. – А когда утром вернулась, то...

– Во сколько, не помните точно?

– В половине девятого. Хотела успеть завтраком их накормить. Они по выходным долго спят. Галина-то всегда, она не работала никогда, – отпустила Луговичная шпильку в адрес снохи, и я сразу определила их отношения, – а вот Рудик отсыпался по праву. Так вот, захожу домой, иду сразу на кухню с сумками и вдруг поскальзываюсь на чем-то. Смотрю, похоже на кровь! – Она в ужасе округлила глаза и прижала руку к сердцу, вновь переживая минувшее событие. – Бросаю сумки и бегу к Рудиду в спальню. Стучу – молчат. Сама вошла, а он спит как ни в чем не бывало. Но один. Галины нет. «Сынок, – говорю, – у вас все в порядке?» Он мне сонным голосом отвечает, что да. «А Галочка, – спрашиваю, – где?» Он говорит: «В другой комнате». Ну, такое у них частенько бывало. Поскандалят немного и разбегаются по разным спальням.

– А из-за чего они скандалили?

– Да, господи, – энергично махнула она рукой, – милые бранятся – только тешатся. Мало ли? Из-за ерунды всякой.

Было заметно, что тут Луговичная явно фальшивит. Почему вот только Миющенко не сказал, что она при всем присутствовала? Хотя известно, юристы матерей за свидетелей не считают, полагая, что мать однозначно дитя выгораживать станет. Но ведь не всегда. А я, в отличие от государственных следователей, к показаниям кровных родственников отношусь с особым вниманием. Часто по их лицам и жестам можно определить, врут они или говорят правду. Мне в работе это очень помогает.

– Ну ладно, давайте дальше, – сказала я, решив, что об этом поговорю с Рудольфом. – Кстати, когда вы к сестре уходили, Галина дома была?

– Дома, дома. А ушла я в семь вечера, – подтвердила она и продолжила: – Ну, я в другую комнату. Галины там нет. В ванную заглянула, а там... Ужас! Все полы в крови! – снова прижала Мальвина руку к груди. – Я скорее Рудика будить. Он вскочил, ничего не поймет. Мы милицию вызвали. А они... – бедная женщина снова всхлипнула, – а они давай по дому шарить. И в стиральной машине рубашку сына нашли. А на ней тоже кровь. На манжете и на середине, – указала она на свой живот, – вот тут примерно. Ну и сразу забрали его! Вы представляете? – и Мальвина Васильевна стала содрогаться в рыданиях.

Я поняла, что, кроме истерики, сейчас она уже ни на что не способна, и пошла на кухню налить ей воды. Гора посуды в раковине смотрелась нелепым грязным пятном посреди белизны

мебели и стен. Судя по всему, посуду Мальвина Васильевна так и не удосужилась помыть с того злополучного воскресенья. Почти бесшумно работал кондиционер. Тут было даже холодно.

Вручив ей стакан, я попросила разрешения немного осмотреть квартиру.

– Да-да, – проговорила она, стукнув зубами о стекло, и жадно припала к воде.

Однако следов крови уже нигде не было. Ни в коридоре, ни в ванной. Лучше б она посуду помыла, чем полы, с досадой посетовала я про себя и остановила взгляд на стиральной машине фирмы «Бош». Итак: фронтальная загрузка белья, то есть окошечко-иллюминатор прекрасно просматривается прямо с порога. Сейчас внутри ничего нет. Я присела и открыла дверцу. О, пардон! Пара грязных мужских носков. Недавно с ними тут соседствовала рубашка Рудольфа. И я почему-то была абсолютно уверена, что положена она была кровавыми пятнами к стеклу. Чтобы сразу заметили. Поднявшись, я огляделась вокруг. На стеклянных полочках всевозможные средства мужской и женской гигиены. Разумеется, не отечественные. Станки для бритья «Жилетт». Один Рудика, другой его супруги – с широкой плоской ручкой, куда заливается специальная жидкость. Очень удобно ноги брить. А вот что тут делает упаковочка лезвий Вилкинсон? Я взяла ее, открыла и пересчитала лезвия. Четыре. А написано, что пять. Где, интересно, еще одно? Кстати, и станка, куда подходили бы эти лезвия, нигде на полках не нашлось.

Спальня супругов, как и все остальное в квартире, выглядела шикарно. Только огромная кровать не была убрана. Шелковое вышитое покрывало было откинута на сторону, на которой явно никто не спал, а на одной из пухлых подушек, затянутых в шелковые же голубые наволочки, так и осталась вмятина от головы моего школьного друга.

Осмотр следующей комнаты сразу навел на мысль, что она Мальвинина. Все аккуратно прибрано, возле полутораспальной кровати, застеленной плюшевым китайским пледом, тумбочка из орехового дерева, на ней кроме затейливой бронзовой лампы корвалол, валидол и очки. Особого интереса у меня тут не возникло.

А вот и комната, где, по словам Рудольфа, провела ночь без вести и при странных обстоятельствах пропавшая Галина Луговичная. Разложенный велюровый диван, постельное белье опять же шелковое, подушка одна, на полу ковер с длинным ворсом, на нем валяется сложенная вчетверо газета и, далеко один от другого, розовые тапочки с отделкой из крашеного меха песца.

Я подняла газету. Наша местная «Кому что», сплошные объявления и реклама. Перегнута на странице под заголовком «Аренда дач и садовых участков», ниже – рубрика «Куплю». Зачем она понадобилась Галине? Я бросила газету «на место», на пол, и вернулась к Мальвине Васильевне.

Она уже успокоилась и снова рассматривала свои ногти. При моем появлении мать Рудика с какой-то надеждой заглянула мне в глаза, словно спрашивала: «Так вы нашли убийцу?»

– Вы говорили, что оперативники произвели у вас обыск. Но я почему-то не вижу следов их деятельности, – сказала я, стоя у порога.

– Я немного прибрала за ними. А было как Мамай прошел. Орудие убийства искали. Из дома все ножи унесли, хлеб отрезать нечем! Все ящики выдвинуты, все высыпано, перевернуто... Страшно смотреть. Я просто напихала все обратно, даже не раскладывая, и кровь замыла. А к Рудикю меня так и не пускают, – вдруг пожаловалась Луговичная, посчитав, видимо, что за эти труды ей немедленно должны были дать свидание с сыном.

– А что же кровати не застелили? – поинтересовалась я и присела на край дивана недалеко от Мальвины Васильевны, отметив про себя, что о хлебном ноже ей ничего пока не сказали. Тайна следствия!

– Кровати? Не знаю, – слегка пожала она плечами, как бы удивляясь самой себе. – Руки, наверное, не дошли. Я ведь как сомнамбула сейчас. Даже есть ничего не могу. Только чай и кофе пью. А вы, может, хотите чего? Кофе сварить вам? – спохватилась она, привставая.

– Нет, спасибо, – живо отказалась я, остановив ее. – Лучше скажите, чего не хватает из вещей Галины? То есть в чем она могла быть на момент исчезновения? И не пропало ли чего ценного из квартиры?

– А это мы с Рудиком уже определили. Нет только ее домашнего халатика. А вещи все целы, я Галин гардероб хорошо знаю, и золото ее все на месте, и деньги, и ценности, и оба паспорта. Наш и заграничный, – пояснила она о документах. – Милиции все так и сказали. Нас уже спрашивали.

– Какой был халатик?

– А розовенький такой. Пенюар скорее. Из тонкого батиста, почти прозрачный, длинный, расклешенный, на вороте выпуклые белые розочки, – с удовольствием стала описывать Луговичная, жестами демонстрируя на себе фасон. – Дорогой, кстати. Фирмы «Шанель». Галя вообще покупала себе только дорогие вещи. Исключительно в магазине «Фламинго».

– А чем занимается ваш сын? – спросила я, не упустив тот факт, что Мальвина Васильевна говорит о Галине в прошедшем времени. Почему такие скоротечные выводы? Ведь тело еще не найдено. Может, и жива она пока?

– Ой, – слабо улыбнулась она, – Рудик у меня молодец. У него своя хлебопекарня и несколько магазинов от нее. Хлеб просто изумительный! А какая сдоба! Отбоя от покупателей нет.

– Бизнес, стало быть, процветает. Хорошо. А где в тот день, а вернее, в ту ночь находилась его машина?

– Во дворе под окнами. Рудик редко в гараж ее ставит, на ней же сигнализация хорошая установлена.

Я поняла, что о следах крови, найденных в багажнике, Луговичная тоже ничего не знает.

– Так. А ключи от квартиры из вас никто не терял в последнее время?

– Нет. Никто, – отрицательно покачала она головой. – Было как-то в прошлом году – Галочка теряла, но Рудик сразу слесаря вызвал, и новый замок врезали.

– А сейчас все ключи на месте?

Мальвина Васильевна посмотрела на меня подозрительно, затем вышла в коридор и вернулась с дамской сумочкой.

– Милиционеры тут тоже порылись, но... – рассматривая содержимое сумочки, недовольно пробурчала она. – Да, ключи Галины на месте. Хотя...

Она снова удалилась. Через минуту вернулась, держа в руке еще два комплекта ключей. Свои и сына.

– Вот. Все в порядке.

– А когда вы домой возвратились от сестры, дверь заперта была?

– Да. Заперта. Только на один замок, который запирать не надо. Он сам защелкивается.

– Так, ладно. Теперь о другом: сколько ваш сын состоит в браке с Галиной? Какой возраст у него, у нее, и вообще – немного о них, – попросила я, естественно, не из собственного любопытства.

– Поженились четыре года назад. Познакомились случайно на улице – Рудик Галю до института подвез. Повстречались несколько месяцев, она забеременела. Потом выкидыш произошел. Галя из Аткарска, приехала сюда учиться. Ей сейчас двадцать четыре. Институт потом бросила, пять месяцев только прочилась. Но работать не пошла. А зачем? Рудик же ее и так обеспечивал полностью, – с явным презрением к снохе повествовала Мальвина. – А сыну моему сейчас двадцать семь. Скоро двадцать восемь будет. Двадцатого августа. И чего он только нашел в ней? – уже не скрывая своего отношения к невестке, фыркнула она.

– Значит, родители Галины в Аткарске живут? – быстро сменила я тему, грозящую перерасти в эпопею.

– Да, там, – последовал сухой ответ.

– Вы им уже сообщили о случившемся?

– Я... Ох, нет, – немного смягчилась она. – У меня духу не хватает. Но это, кажется, уже милиционеры сделали.

– А скажите, есть ли у вас фотографии вашей невестки?

– Да целый альбом! И не один, – снова повысив тон, отозвалась Луговичная и твердой походкой вышла из комнаты.

Вернулась она, держа в подрагивающей руке два тонких альбомчика, и протянула мне. Первый был свадебный. Галина была недурна собой, особенно в подвенечном наряде. Миниатюрная, светло-русые волосы уложены в замысловатую прическу, большие голубые глаза, губки бантиком. Смазливое личико. Но все же она бледно смотрелась на фоне жениха. Рудольф Луговичный, как всегда, блистал во всей своей красе.

Я невольно опять задумалась о прошлом. И чего я замуж за него не пошла? Сейчас жила бы припеваючи, не работая, на полном довольствии в роскошной квартире. А смогла бы? Нет. Не для меня диванная безмятежная жизнь и самовлюбленный муж, у которого я сижу на шее. Не очень-то легко, наверное, было Галочке. Было... Вот и я туда же.

– Вы мне пока, Мальвина Васильевна, об их друзьях общих расскажите, – сказала я, листая страницы, – о подружках Галины, с кем она общалась, расскажите. Были ли у них враги? Особенно – у вашего сына.

Луговичная вспоминала долго и подробно. Я за это время успела внимательно просмотреть и второй альбом, выбрала пару фотографий Галины, чтобы забрать с собой. Мучительно захотелось курить.

– Вы не возражаете, если я закурю? – беспардонно прервала я красочное описание шестого знакомого Рудольфа.

– А, конечно. Только, может, на кухню пойдем? У нас никто не курит, а там вытяжка есть, – немного смущенно пробормотала Мальвина. – Я заодно и кофейку сварю.

– Теперь не возражаю.

Попивая горячий кофе и с наслаждением затягиваясь «Мальборо», я дослушала излияния Луговичной, из коих выходило, что все вокруг если и не враги, то просто свиньи. Только троих она удостоила похвалы: Валю Сластикову – подругу Галины, Александра Лумельского – друга Рудика с институтской скамьи и собственного племянника Олега. Правда, Рудольф общался с двоюродным братом не более двух раз в год.

Я же сделала из этого собственные выводы: записанные в фавориты люди льстили семейству Луговичных, что семейство несомненно ценило. Это я помню еще со школы, по поведению Рудика. Возможно, именно мать привила ему излишние амбиции, которые мешали парню полноценно жить.

В завершение разговора я спросила:

– А вы-то что сами по этому поводу думаете, Мальвина Васильевна? Как вы считаете, что произошло?

Она печально вздохнула, обреченно пожала плечами и почесала мизинцем кончик носа.

– Даже и не знаю. Может, кто-то приходил утром, пока Рудик спал? Галя открыла, и ее убили. А потом тело увезли. Возможно же такое? – и она вопросительно взглянула на меня.

– Вполне, – успокоила я ее. – Это мог быть любой из завистников вашего сына. А их у него, по вашим словам, по меньшей мере человек десять.

– Вот-вот, – живо ухватилась она за предложенную версию, не уловив иронии в моих словах, – я тоже так думаю. Вы уж, пожалуйста, помогите нам, Татьяна Александровна. Очень вас прошу. Мы за все заплатим, расценки ваши знаем.

– А кто вам посоветовал ко мне обратиться? – внутренне улыбнувшись, спросила я.

– Ну... – перевела взгляд Мальвина на свои ногти, изящно прогнув пальчики, – я бы не хотела говорить. С меня взяли слово. Но если вы настаиваете...

– Нет, не настаиваю. Этот секрет можете оставить при себе. Ничего страшного. Ладно, если мне что еще понадобится, я вам позвоню.

– Конечно, конечно.

Мальвина Васильевна вручила мне задаток, на том мы и распрощались.

Глава 3

Домой возвращаться я не спешила, поскольку в холодильнике у меня «мышь повесилась» и даже хлеб кончился, а чувство голода становилось все более назойливым. Я припарковала свою «девятку» возле бистро, расчесала челку, глядя в зеркало заднего обзора, слегка подкрасила губы и пошла насыщаться.

Особо озабоченной делом Галины Луговичной я не была – мне оно казалось довольно простым. Чуть-чуть повозиться, конечно, придется, но это не займет много времени. Кое к каким выводам я уже пришла, а чтобы убедиться в их правильности, поговорю сегодня вечером с Рудольфом.

Заправившись порцией сосисок с зеленым горошком и заварным пирожным, я с чувством выполненного долга перед собственным желудком отправилась в парикмахерскую, решив привести в порядок и свою наружность. Что греха таить – хотелось предстать перед школьным другом если не во всей красе, то хоть человеком, относящимся к себе с уважением. Правда, я допускала, что Рудик, считая свое положение отчаянным, вполне может не то что не обратить внимания на мои прическу и макияж, а и вовсе не узнать меня. Но я его положение таким не считала, потому и сочла свои действия вполне правомерными.

В салоне было прохладно благодаря кондиционерам, но, как всегда, пахло жуткой смесью парфюмерии. Моя любезнейшая Светлана, приправляя свою виртуозную работу бесконечным щебетом о жизненных перипетиях, сделала из меня в итоге то, что с достоинством может называться женщиной.

– У тебя любовное свидание или опять деловое? – поинтересовалась она под конец и покрутила кресло, демонстрируя меня самой себе во всех ракурсах.

– Деловое, но одновременно и встреча старых друзей, – довольная увиденным, странно ответила я. – Хотя не такая я уж и старая. Спасибо, Светоч, ты молодец!

– Стараюсь, – кокетливо улыбнулась она.

Дома мне оставалось лишь переодеться в светлый деловой костюм. Теперь я была похожа на преуспевающего адвоката из заграничного фильма. Прекрасно! В таком виде я вызываю всеобщее доверие и расположение, и, думаю, Миющенко без труда проведет меня к Рудольфу. А вообще-то, это его проблемы. И зачем я сама себя обманываю? Наверное, все-таки хочу понравиться Рудику. Я ведь, хоть и частный детектив, обыкновенная баба.

В половине десятого я позвонила Анатолию.

– Миющенко, – коротко отрапортовал он своим приятным голосом.

– Иванова, – откликнулась я.

– А, Татьяна Александровна! – обрадовался опер. – Так, я вас жду. Второй этаж, пятнадцатый кабинет. Внизу скажете, что ко мне. Вас пропустят.

– Надеюсь.

Надежды оправдались. Толстый милиционер с покрасневшим от жары лицом в дежурке, напоминающей ларек Роспечати, ответил на пароль «Я к Миющенко» согласным кивком. Цокая шпильками по забросанной окурками лестнице, я поморщилась от спертого воздуха, пропитанного запахами табака и сортира.

Миющенко сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то самозабвенно писал. Неприятно мерцающий свет дневной лампы играл в его сальных волосах. На этот раз он был в сером костюме.

От своего важного занятия опер оторвался лишь тогда, когда я без приглашения уселась на скрипнувший стул.

– Сейчас, минуточку, – извиняющимся тоном пропел он, искоса глянув на меня. Но тут же отложил ручку и посмотрел более заинтересованно. Мой вид явно поразил молодого офицера, из своеобразной тактики решившего изображать немислимо делового работника.

– Жду, – хлопнула я ресницами.

– А впрочем, я закончил, – порадовал он меня.

Минут через пять по вызову Анатолия привели Луговичного. Надо отметить, что рисковал офицер из-за своей самостоятельности сильно. Но что не сделаешь ради денег. А может, у него вся охрана в друзьях-приятелях числится? Или посулил кому что? Хотя зачем я себе голову из-за ерунды ломаю, не все ли мне равно, как он свои проблемы решает?

Молоденький конвоир в чине сержанта усадил Рудика на стул, куда указал Миющенко. Как раз напротив меня. На запястьях Луговичного блеснули наручники. Его по-прежнему красивое лицо вытянулось в гримасе удивления.

– Таня? – как бы не веря собственным глазам, спросил он и медленно привстал.

Конвоир положил руку на его плечо, усаживая на место.

– Иди, Саша, ты пока свободен, – вмешался Анатолий Несторович.

– Привет, – улыбнулась я, словно видела Луговичного последний раз вчера.

– Ка... какими судьбами? – немного заикаясь, проговорил он.

– Вот пришла навестить. Сухарей тебе засушила, – беззаботно ответила я.

Луговичный явно не оценил шутки и молча уставился на меня в полном непонимании.

– Ладно, Рудик, времени у нас немного, а посему сразу приступим к делу. Я тут для того, чтобы попытаться тебе помочь. Работаю частным детективом. Твоя мама, проявив заботу о своем единственном ребенке, наняла меня – самую лучшую в нашем Тарасове ищейку, – грубо выразилась я о себе, чтобы хоть как-то встряхнуть бывшего однокашника, который так и сидел с приоткрытым ртом. – Въезжаешь в ситуацию?

– А... Да. Я понял. Ну надо же! Та-анька, – нараспев произнес он мое имя и наконец улыбнулся. – А ты классно выглядишь. Даже лучше, чем раньше.

– Вот и славно, Рудик, – улыбнулась я в ответ, удовлетворенная тем, что не зря потратила деньги у Светки. – А теперь давай быстренько все мне рассказывай.

– И сколько же берешь за работу?

– Двести баксов в сутки, – доложила я.

– Ого! – присвистнул он. – Может, по старой дружбе скидку сделаешь?

– Слушай, солнце мое, я ведь, когда твои плюшки покупаю, скидки не прошу, – изобразила я лучезарную улыбку. – А потом, сам рассуди, что ж я за копейки должна подставлять под пули свою молодую грудь и умную голову? И вообще, прекращай рассматривать жизнь с высоты своего высокомерия. Спустись на землю и осмотришься вокруг. Ты сейчас где? Так что давай-ка, повествуй поскорее.

Луговичный, пристыженный моим замечанием, кратко и четко описал события рокового дня, не ноя и не жалуясь на произвол правоохранительных органов. Он понимал, что ситуация сложилась не в его пользу, но все же не преминул, бросив быстрый взгляд в сторону Миющенко, поделиться собственным выводом, что все происшедшее с ним – явная подстава.

В принципе я услышала то же, что уже слышала от Миющенко и матери Рудольфа. Настало время задавать вопросы.

– Так. А теперь поведай мне о своих отношениях с женой. В основном меня интересуют ваши разногласия на тот или иной счет. Были ли у вас накануне крупные ссоры, скандалы? Если да, то из-за чего?

– Да они у нас постоянно были. В основном из ревности. Галина вечно обвиняла меня в измене. Достала просто! Задержусь немного – изменял, в баню с мужиками схожу – изменял, просто посмотрю на нее не так – опять изменял! То запах духов каких-то учует, то следы помады обнаружит, то волос чей-то. Прямо как в том анекдоте, когда жена, не обнаружив на

одежде мужа чужих волос, сказала, что он теперь не брезгует и лысыми женщинами. Кошмар какой-то! – все более распаяясь, сетовал Рудольф.

– Угу, а ты, значит, никогда жене не изменял? – посмотрела я на него с иронией. – Нет, так не пойдет, дорогой. Мне – все как на духу, как исповеднику, говори. Не усложняй, ради бога, работу.

– Ну, – замылся он, – не без того, конечно. Бывало иногда.

– Жена могла быть в этом убеждена или просто строила догадки?

– Одни догадки, – безапелляционно заявил он.

– Не уверена в правдивости твоих слов. Сам же сказал, что Галина находила следы чужой губной помады.

– Да думала она там на одну, только не в точку. С той у меня как раз ничего не было.

– На кого думала? С кем было? Рудик! Посерьезнее, пожалуйста.

– Думала на Ольгу Черникову, а было... Да со многими было. Всех не упомнишь. И какая разница?

– Черникова – это одна из подруг Галины? – спросила я, так как благодаря Мальвине Васильевне уже имела представление о ней.

– Ну да.

Луговичный отвечал неохотно. Кажется, ему было стыдно рассказывать о своих приключениях. Но я нисколько не винила его: он так и не смог никого полюбить, вот и метался от одной юбки к другой. А с Галиной жил скорее потому, что считал напрасной тратой времени оформление развода или очередного брака. И зря он тут мне жаловался на ее несносный характер. Уж я-то знала Рудика: ревность жены льстила его самолюбию.

– А среди тех, которых не упомнишь, имелись ее подруги или знакомые?

– Для чего ты об этом спрашиваешь? – не выдержал Луговичный. – Решила среди них убийцу искать? Скажешь, что баба может аккуратно вскрыть багажник машины, отключив предварительно сигнализацию?

– Бабы могут все, Рудик. Даже могут тебя, дурака, из дерьма вытащить. Так что не умничай тут, а отвечай на поставленные вопросы, – начала заводится я.

– Тань, но я ведь некоторых вообще только по имени знаю. Ни адресов, ни других данных.

– Я про данные твоих пассий и не спрашиваю, мой золотой. Я интересуюсь, были ли у тебя любовницы среди подруг твоей жены? Кому еще она могла не доверять?

– Нет, – потупив взгляд, отрезал он.

– Значит, ни о ком другом, кроме как о Черниковой, она не догадывалась?

– Нет.

– Ты пойми, Рудик, я не просто так любопытствую, а хочу сократить время своей работы и, стало быть, приблизить время твоего выхода на свободу, – пояснила я. – А теперь назови мне адреса близких Галиных подруг и адрес ее родителей в Аткарске.

– То есть ты хочешь сказать, что она все подстроила сама? – искренне удивился Рудольф.

– Именно. Слишком все ненатурально. Скажи, Рудик, ты покупал лезвия Вилкинсон? Обычные такие, предназначенные для допотопного станка? Их еще при кройке используют.

– Нет.

– Женушка твоя или матушка не занимались индпошивом?

– Нет, разумеется.

– Может, я и узко мыслю насчет предназначения таких лезвий, но только в голову приходит одно – их купила Галина, чтобы слегка вскрыть себе вены. Или глубоко порезать палец, что скорее. Обильно полила своей кровушкой все вокруг и во двор, прихватив ключи от машины, сбегала, пока ты спал, багажник оросила. Пусть милиционеры подумают, что ты там труп вывозил. Рубашку твою изгадила, нож, почему-то хлебный...

– Слушай! – сделал нетерпеливый жест Луговичный, звякнув наручниками. – Точно! Вот стерва! Вечером, когда мать ушла к сестре, я чаю попросил и бутерброд с вареньем. Сам я никогда по хозяйству ничего не делаю, всегда Галька шустрит, даже хлеб мне маслом мажет. А тут вдруг отказалась. Губки надула, сделала вид, что все еще на меня обижена. Мы же опять из-за ее ревности накануне ссорились. Ну, я сам себе кусок от батона и отрезал. Хлебным ножом! Понимаете! – И сияющий Рудольф победно посмотрел на Миющенко, словно тот теперь непременно должен был его отпустить. – Вот потому там и нашли мои отпечатки. Я только сейчас вспомнил!

– А может, ты сам все специально подстроил? – отреагировал на его тираду Анатолий. – Устроил этот спектакль, чтоб мы были убеждены, что тебя подставили.

– Да вы что, товарищ следователь? Да мне б такое даже в голову не пришло! – захлебнулся возмущением Луговичный.

– В голову не пришло, но на другое место ты все же приключений себе нажил, – встряла я в их небольшую перепалку, подумав при этом, что в словах Миющенко есть некоторый резон. Было у меня однажды дело, где преступник именно так, столь необычным образом, и поступил, заметая следы. – Ладно, Рудик, успокойся. Ты знаешь адреса и телефоны подруг Галины, у которых она, если мое предположение верно, могла бы спрятаться? И координаты родственников в Аткарске.

– Туда, кстати, позвонить можно, я наизусть номер помню, – оживился он, но тут же сник. – А вот с подружками сложнее. Только объяснить могу, где живут. Хотя... Их телефоны записаны в органайзере, но его у меня отобрали, – кивнул он в сторону Миющенко.

– Это не проблема, – откликнулся опер и открыл сейф. – А что касается родителей, так я уже проверил, – сделал он ударение на слове «я». – Галины там нет и не было.

– Пока, – сказала я и, заметив его подозрительный взгляд, добавила: – Пока не было, но может появиться. А вы уже оповестили родителей о том, что она убита?

Миющенко в ответ довольно презрительно фыркнул, давая понять, что не такой уж он дурак, как я думаю.

После того, как я переписала из записной книжки Луговичного в свою то, что сочла нужным и задала еще несколько вопросов, его увели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.